

АРКАДИЙ и БОРИС
СТРУГАЦКИЕ

ПОПЫТКА К БЕГСТВУ

ХИЩНЫЕ ВЕЩИ ВЕКА

ГАДКИЕ ЛЕБЕДИ

**ЗА МИЛЛИАРД ЛЕТ
ДО КОНЦА СВЕТА**

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
С87

Серия «Звёзды советской фантастики»
Серийное оформление и дизайн обложки *Юлии Межовой*

Стругацкие, Аркадий Натанович и Борис Натанович
С87 Попытка к бегству. Хищные вещи века. Гадкие лебеди. За миллиард лет до конца света / Аркадий и Борис Стругацкие. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 634, [2] с. — (Звёзды советской фантастики).

ISBN 978-5-17-101144-4

Худшее, что может происходить с нами, — это то, что наша боль не становится воспоминанием. Лучшее, что может быть с книгой, — текст не становится архаичным. В этот сборник входят повести Аркадия и Бориса Стругацких, не устаревшие ни на йоту. Это могло быть написано сегодня, это могло быть написано завтра. Мы только-только начинаем понимать все то, что они знали более сорока лет назад.

Подписано в печать 25.10.2016.
Формат 60 x 90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 40,0.
Тираж экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1: 953000 — книги, брошюры

© Аркадий и Борис Стругацкие, наследники, текст, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2017

АРКАДИЙ И БОРИС СТРУГАЦКИЕ

Разница в возрасте между братьями Стругацкими — двенадцать лет. Старший, Аркадий, родился 28 августа 1925 года в Батуми, в семье Натана Залмановича Стругацкого, тогда главного редактора газеты «Трудовой Аджаристан», и Александры Ивановны Литвинчевой. В 1926 году отца перевели в Ленинград, где он занимал различные партийные должности вплоть до 1937 года. Александра Ивановна преподавала русскую литературу в школе, где учился и Аркадий. 15 апреля 1933 года родился Борис.

Еще до войны Аркадий Стругацкий пытался писать фантастику. Это была повесть «Находка майора Ковалева», утраченная во время блокады Ленинграда. Из сохранившихся вещей первым был рассказ «Как погиб Канг», написанный в 1946 году, но опубликованный лишь в 2001-м. В 1956 году вышла повесть «Пепел Бикини», написанная в соавторстве с Львом Петровым.

С начала 1950-х годов начал писать Борис. Первая совместная работа братьев Стругацких — фантастический рассказ «Извне» (позже переработанный в одноименную повесть), был опубликован в журнале «Техника молодежи» в 1958 году.

Их первая книга, повесть «Страна багровых туч», вышла в 1959 году. Именно в ней появился Мир Полудня, в

котором происходит действие многих произведений братьев Стругацких. Затем появились продолжения повести, связанные с ней общими героями,— «Путь на Амальтею» (1960), «Стажеры» (1962), а также сборник рассказов «Шесть спичек» (1960).

Стругацкие начали писать в эпоху хрущевской «оттепели», и повесть «Полдень, XXII век» (1962) вполне отражала тогдашний оптимизм и веру в прогресс. Впрочем, катастрофа на далекой планете, как следствие научных экспериментов, описанная в повести «Далекая Радуга» (1963), напоминание о неприглядном прошлом в повестях «Попытка к бегству» (1962) и «Трудно быть богом» (1964), гротескное общество потребления будущего, показанное в антиутопии «Хищные вещи века» (1965), выявили весьма критическое отношение авторов к окружающей действительности. Это не замедлило сказаться на отношении к писателям советской критики и властей, особенно после выхода «сказки для научных сотрудников младшего возраста» «Понедельник начинается в субботу» (1965) и ее продолжения — «Сказки о Тройке» (1968), сатиры на советскую бюрократию. Иркутский альманах «Ангара», в котором вышла «Сказка о Тройке», закрыли, а сама она оказалась недоступна читателям вплоть до 1989 года. То же произошло с повестью «Улитка на склоне», вышедшей частями в 1966 и 1968 годах, а полностью — только в 1988-м.

В 1967 году вышла сатирическая повесть «Второе нашествие марсиан: Записки здравомыслящего», в 1970-м — «Отель „У Погибшего Альпиниста“», эксперимент по созданию фантастического детектива.

Затем в своем творчестве Стругацкие вернулись в Мир Полудня. Вышли повести «Обитаемый остров» (1969 в сокращенном варианте, 1971), «Мальш» (1971), «Парень из преисподней» (1974). В 1972 году журнал «Аврора» опубликовал повесть «Пикник на обочине». Но книжных изданий у Стругацких в 1970-е годы практически не было.

В 1972 году был написан роман «Град обреченный», в 1976-м появилась повесть «За миллиард лет до конца света», в 1982-м —

АРКАДИЙ И БОРИС СТРУГАЦКИЕ

роман «Хромая судьба» (в него входит повесть «Гадкие лебеди», написанная в 1967 году).

В 1979 году вышел роман «Жук в муравейнике», в 1985-м — роман «Волны гасят ветер», в 1988-м — роман «Отягощенные злом, или Сорок лет спустя».

Последнее совместное произведение Аркадия и Бориса Стругацких — пьеса «Жида города Питера, или Невесёлые беседы при свечах» (1990).

Стругацкие писали и по отдельности. У Аркадия под псевдонимом С. Ярославцев выходили сказка «Экспедиция в преисподнюю» (1974, части 1—2; 1984, часть 3), рассказ «Подробности жизни Никиты Воронцова» (1984) и повесть «Дьявол среди людей» (1990—1991). После его смерти (12 октября 1991 года) Борис Стругацкий под псевдонимом С. Витицкий выпустил романы «Поиск предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики» (1994—1995) и «Бессильные мира сего» (2003). Он умер 12 ноября 2012 года.

Аркадий и Борис Стругацкие — не просто самые известные советские фантасты. Их произведения, создававшиеся на протяжении более тридцати лет, пользовались неизменным успехом у широчайшего круга читателей, и вряд ли у кого из русскоязычных писателей, их современников, была такая аудитория. В наше время братья Стругацкие — одни из немногих советских писателей, чье творчество востребовано. Они искали ответы на те вопросы, которые до сих пор стоят перед современным человеком, и поиск продолжается.

ПОПЫТКА К БЕГСТВУ

I

— Хороший сегодня будет день! — сказал вслух Вадим.

Он стоял перед распахнутой стеной, похлопывая себя по голым плечам, и глядел в сад. Ночью шел дождь, и трава была мокрая, кусты были мокрые, и крыша соседнего коттеджа тоже была мокрая. Небо было серое, а на тропинке блестели лужи. Вадим подтянул трусы, спрыгнул в траву и побежал по тропинке. Глубоко, с шумом вдыхая сырой утренний воздух, он бежал мимо отсыревших шезлонгов, мимо мокрых ящиков и тюков, мимо соседского палисадника, где, выставив напоказ внутренности, красовался полуразобранный «колибри», через мокрые, пышно разросшиеся кусты, между стволами мокрых сосен; не останавливаясь, прыгнул в озерцо, выбрался на противоположный берег, поросший осокой, а оттуда, разгоряченный, очень довольный собой, все наращивая темп, помчался обратно, перепрыгивая через огромные спокойные лужи, распугивая маленьких серых лягушек, прямо к лужайке перед Антоновым коттеджем, где стоял «Корабль».

«Корабль» был совсем молодой, ему не исполнилось и двух лет. Черные матовые его бока были абсолютно сухи и едва заметно колыхались, а острая вершина была сильно наклонена и направлена в ту точку серого неба, где за тучами находилось солнце: «Корабль» по привычке набирал энергию. Высокая трава вокруг «Корабля» была покрыта инеем,

ПОПЫТКА К БЕГСТВУ

поникла и пожелтела. Впрочем, это был приличный, тихого нрава звездолет типа «турист». Рейсовый рабочий звездолет за ночь выморозил бы весь лес на десять километров вокруг.

Вадим, оскальзываясь на поворотах, обежал «Корабль» и направился домой. Пока он, стеноя от наслаждения, растирался мохнатым полотенцем, из дачи напротив вышел сосед дядя Саша со скальпелем в руке. Вадим помахал ему полотенцем. Соседу было полтора года лет, и он день-деньской возился со своим вертолетом, но все было втуне — «колибри» летал неохотно. Сосед задумчиво поглядел на Вадима.

— У тебя нет запасных биоэлементов? — спросил он.

— Что, сгорели?

— Не знаю. У них ненормальная характеристика.

— Можно связаться с Антоном, дядя Саша, — предложил Вадим. — Он сейчас в городе. Пусть привезет вам парочку.

Сосед подошел к вертолету и стукнул его скальпелем по носу.

— Что же ты не летаешь, дурачок? — сказал он сердито.

Вадим принялся одеваться.

— Биоэлементы... — ворчал дядя Саша, запуская скальпель во внутренности «колибри». — Кому это надо? Живые механизмы... Полуживые механизмы... Почти неживые механизмы... Ни монтажа, ни электроники... Одни нервы! Простите, но я не хирург. — Вертолет дернулся. — Тихо ты, животное! Стой смирно! — Он извлек скальпель и повернулся к Вадиму. — Это негуманно, наконец! — объявил он. — Бедная испорченная машина превращается в сплошной больной зуб! Может быть, я слишком старомоден? Мне ее жалко, ты понимаешь?

— Мне тоже, — пробормотал Вадим, натягивая рубашку.

— Что?

— Я говорю: может быть, вам помочь?

Дядя Саша некоторое время переводил взгляд с вертолета на скальпель и обратно.

— Нет, — сказал он решительно. — Я не желаю применяться к обстоятельствам. Он у меня будет летать.

Вадим сел завтракать. Он включил стереовизор и положил перед собой «Новейшие приемы выслеживания тахор-

гов». Книга была старинная, бумажная, читаная-перечитаная еще дедом Вадима. На обложке был изображен пейзаж планеты-заповедника Пандоры с двумя чудовищами на первом плане.

Вадим ел, листая книжку, и с удовольствием поглядывал на хорошенькую дикторшу, рассказывавшую что-то о боях критиков по поводу эмоциализма. Дикторша была новая, и она нравилась Вадиму уже целую неделю.

— Эмоциализм! — со вздохом сказал Вадим и откусил от бутерброда с козьим сыром. — Милая девочка, ведь это слово отвратительно даже фонетически. Поедем лучше с нами! А оно пусть остается на Земле. Оно наверняка умрет к нашему возвращению — можешь быть уверена.

— Эмоциализм как направление обещает многое, — невозмутимо говорила дикторша. — Потому что только он сейчас дает по-настоящему глубокую перспективу существенного уменьшения энтропии эмоциональной информации в искусстве. Потому что только он сейчас...

Вадим встал и с бутербродом в руке подошел к распахнутой стене.

— Дядя Саша, — позвал он, — Вам ничего не слышится в слове «эмоциализм»?

Сосед, заложив руки за спину, стоял перед развороченным вертолетом. «Колибри» трясся, как дерево под ветром.

— Что? — сказал дядя Саша, не оборачиваясь.

— Слово «эмоциализм», — повторил Вадим. — Я уверен, что в нем слышится похоронный звон, видится нарядное здание крематория, чувствуется запах увядших цветов.

— Ты всегда был тактичным мальчиком, Вадим, — сказал старик со вздохом. — А слово действительно скверное.

— Совершенно безграмотное, — подтвердил Вадим, жуя. — Я рад, что вы это тоже чувствуете... Послушайте, а где ваш скальпель?

— Я уронил его внутрь, — сказал дядя Саша.

Некоторое время Вадим разглядывал мучительно трепещущий вертолет.

ПОПЫТКА К БЕГСТВУ

— Вы знаете, что вы сделали, дядя Саша? — сказал он. — Вы замкнули скальпелем дигестальную систему. Я сейчас свяжусь с Антоном, пусть он привезет вам другой скальпель.

— А этот?

Вадим с грустной улыбкой махнул рукой.

— Смотрите, — сказал он, показывая остаток бутерброда. — Видите? — Он положил бутерброд в рот, прожевал и проглотил.

— Ну? — с интересом спросил дядя Саша.

— Такова в наглядных образах судьба вашего инструмента.

Дядя Саша посмотрел на вертолет. Вертолет перестал вибрировать.

— Все, — сказал Вадим. — Нет больше вашего скальпеля. Зато «колибри» у вас теперь заряжен. Часов на тридцать непрерывного хода.

Сосед пошел вокруг вертолета, бесцельно трогая его за разные части. Вадим засмеялся и вернулся к столу. Он доел второй бутерброд и допивал второй стакан простокваши, когда щелкнул замок информатора и тихий, спокойный голос сказал:

— Вызовов и посещений не было. Антон, уходя в город, желает доброго утра и предлагает немедленно после завтрака начать отрешение от всего земного. В институт поступило девять новых задач...

— Не надо подробностей, — попросил Вадим.

— ...Задача номер девятнадцать пока не решена. Пэл Минчин доказала теорему о существовании полиномиальной операции над Ку-полем структур Симоняна. Адрес: Ричмонд, семнадцать-семнадцать-семь. Все.

Информатор щелкнул, помолчал и добавил поучающе:

— Завидовать дурно. Завидовать дурно.

— Балбес! — сказал Вадим. — Я совершенно не завидую. Я радуюсь! Молодчина, Пэл! — Он задумался, глядя в сад. — Нет, — сказал он. — Сейчас все это долой. Надо отрешаться от земного.

Он швырнул грязную посуду в мусоропровод и вскричал:

— На тахоргов! Украсим кабинет Пэл Минчин — Ричмонд,
семнадцать-семнадцать-семь — черепом тахорга!

И он спел:

Пусть тахорги в страхе воют,
Издавая визг и писк!
Ведь на них идет войною
Структуральнейший лингвист!

— Теперь так, — сказал Вадим. — Где радиофон? — Он на-
брал номер. — Антон? Как дела?

— Стою в очереди, — ответил Антон.

— Что ты говоришь? И все на Пандору?

— Многие. И кто-то распространяет слух, что охота на та-
хоргов скоро будет запрещена.

— Но мы-то успеем?

Антон некоторое время молчал.

— Успеем, — сказал он.

— А девушки там рядом есть?

— Как не быть...

— А они тоже успеют?

— Сейчас спрошу... Они говорят, что успеют.

— Передай им привет от знакомого структурального линг-
виста шести футов росту, с благородной осанкой... Слушай,
Антон, что я хотел тебе сказать? Да! Привези, пожалуйста,
дяде Саше скальпель. И пару «БЭ-6». И заодно «БЭ-7».

— И заодно новый вертолет, — сказал Антон. — Что этот
старец сделал со своим скальпелем?

— Ну как ты думаешь, что можно сделать со скальпелем?

— Не знаю, — сказал Антон, подумав. — Скальпель — это
вещь на века. Как Баальбекская платформа.

— Он уронил его в желудок своему «колибри».

В радиофоне захихикало несколько голосов. Очередь раз-
влекалась.

— Ладно уж, — сказал Антон. — Жди, я скоро буду. Будь
моим суперкарго и начинай погрузку.

Вадим сунул радиофон в карман и прикинул через три
комнаты расстояние до выхода.

ПОПЫТКА К БЕГСТВУ

— Дух ног слаб,— процитировал он,— рук мощь зла!

Он встал на руки и живо побежал к выходу. На крыльце он сделал сальто и с криком «У-ух!» упал на четвереньки в траву перед крыльцом. Поднявшись и почистив руки, он произнес с выражением:

На войне и на дуэли
Получает первый приз —
Символ счастья и веселья —
Структуральнейший лингвист.

Затем он неторопливо отправился в аллею, где были свалены тюки и ящики. Груза было довольно много. Надо было везти с собой оружие, боеприпасы, запас пищи, одежду — отдельно для охоты и отдельно, чтобы посетить знаменитое кафе «Охотник» на плоской вершине Эверины, где между столиками вольно гуляет пряный ветер, а под обрывом на трехсотметровой глубине громоздятся, подобно грозovým тучам, непроходимые черные заросли; где исполосованные колючками охотники с хохотом осушают пухлятые фляги «Крови тахорга» и вывихивают себе плечи в тщетных попытках показать, какой череп они могли бы добыть, если бы знали, с какой стороны у карабина приклад; где в темно-зеленых сумерках пары скользят на усталых ногах в «Светлом ритме», а над хребтом Смелых поднимаются в беззвездное небо зыбкие сплюсненные луны.

Вадим присел на корточки спиной к самому тяжелому ящику, приладился и рывком поднял ящик на плечи. В ящике было оружие — три автоматических карабина с прицелами для стрельбы в тумане и шесть сотен патронов в плоских пластмассовых обоймах. Пружина при каждом шаге, Вадим понес ящик через сад к «Кораблю». Он зашел со стороны приемника и пнул ногой в борт. Мембрана, затягивавшая овальный люк, лопнула, и Вадим свалил ящик в темноту, из которой пахло холодом.

Вадим пошел обратно, обрывая на ходу с кустов громадные ягоды какого-то гибрида. И каждый куст сбрасывал на него заряд холодного крупного дождя.

АРКАДИЙ И БОРИС СТРУГАЦКИЕ

Надо взять не меньше пяти тахоргов, думал он. Один череп для Пэл Минчин Ричмондской. Пусть знает, что я хороший парень. Один череп маме. Мама череп не возьмет, она человек серьезный, и тогда я подарю этот череп первой девушке, которая пройдет мимо меня на углу Невского и Садовой после десяти утра. Третьим черепом я брошу в Самсона, чтобы умирить его скепсис: он странно вел себя у Нели, когда я рассказывал ей о последнем походе на Пандору. Четвертый череп — Нели, чтобы она верила мне, а не Самсону. А пятый череп я повешу над стереовизором. Он с наслаждением представил себе, как отлично будет выглядеть хорошенькая дикторша под оскаленным черепом чудовища.

Он перенес на «Корабль» четыре больших ящика с живым мясом, восемь ящиков с овощами и фруктами, два мягких тюка с одеждой и еще один большой ящик с подарками для старожилов и с корявой надписью: «Шкатулка для Пандоры».

Где-то за тучами солнце поднималось все выше и выше, становилось жарко. Все вокруг высыхало. Лягушки попрятались в траву. В пустых коттеджах с шелестом распахивались стены. Дядя Саша повесил гамак и разлегся возле своего «колибри» с газетой. Вадим кончил перетаскивать груз и пристроился к кусту крыжовника.

— Итак, вы улетаете, — сказал дядя Саша.

— Угу.

— На Пандору улетаете?

— Ага.

— Вот тут пишут, что заповедник собираются закрыть. На несколько лет.

— Ничего, дядя Саша, — сказал Вадим. — Успеем.

Дядя Саша помолчал и сказал негромко:

— Мне здесь очень скучно будет одному.

Вадим перестал жевать.

— Так мы же вернемся, дядя Саша! Через месяц.

— Все равно. Я на этот месяц вернусь в город. Что я здесь один буду делать в пяти коттеджах? — Он посмотрел на вертолет. — С этим дурачком. Полуживым.

ПОПЫТКА К БЕГСТВУ

В небе послышалось негромкое фырканье.

— Вон еще один летит, — сказал дядя Саша.

Вадим задрал голову. Невысоко над поселком медленно выписывал восьмерку ярко-красный «рамфоринх». На том же брюхе четко выделялся белый номер.

— Так-то я тоже могу, — сказал дядя Саша. — А вот вы, голубчик, спикируйте винтом, и чтобы не боком и не в пруд, а рядом...

«Рамфоринх» улетел. На бетонной дорожке за садом послышалось сопение машины.

— В нашем поселке становится оживленно, — сказал дядя Саша. — Движение как на Невском.

— Это Антон! — Вадим вскочил и побежал к «Кораблю».

Антон загонял машину в гараж. Выйдя из гаража, он рассеянно сказал:

— Все в порядке, Димка. Штурманскую книгу я зарегистрировал, «добро» получил...

— Но? — спросил пронизательный Вадим.

— Что — но?

— Я отчетливо слышу в твоей речи «но».

Антон сказал неохотно:

— Я заезжал к Галке. Она не поедет.

— Из-за меня?

— Нет. — Антон помолчал. — Из-за меня.

— М-да, — глубокомысленно сказал Вадим.

Антон спросил:

— А как у нас с погрузкой, суперкарго?

— Все в порядке, шкип. Можно стартовать.

— А как у нас в доме? Прибрано ли?

— В чьем доме?

— Например, в моем?

— Нет, шкип. Виноват, шкип. Я только что кончил грузить, шкип.

Низко над крышами снова пролетел красный «рамфоринх». Антон поглядел.

— Что за притча? — удивился он. — Опять ЦЩ-268. Помоему, я стал объектом пристального внимания. Этот крас-